
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ ИСТОРИИ

Б. А. АЛИМДЖАНОВ

«ОБРЕТЕННОЕ ВРЕМЯ» ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ «УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ» В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ?

Автор рассматривает проблемы исторического времени в Туркестанском генерал-губернаторстве с историко-философских позиций. Отправной пункт – принцип соотношения реальности и понятия в Средне-Азиатском регионе постфеодального периода. Концептуальной опорой отчасти служат теории Р. Козеллека о соотношении понятия и реальности. Основная цель – анализ восприятия исторического времени администрацией Туркестанского генерал-губернаторства.

Ключевые слова: Туркестан, историческое время, ислам, Российская империя, модернизация.

Европейская цивилизация, представленная в данном случае Российской империей, внесла новую темпоральность в Средне-Азиатский регион, которая и породила проблему модернизации всех сфер жизни населения края. После образования Туркестанского генерал-губернаторства в официальных кругах края было принято новое летосчисление, которое и определяло весь политический дискурс колониальной бюрократии. За точку отсчета были приняты две даты: 1865 год – захват Ташкента русскими войсками и 1867 год – образование Туркестанского генерал-губернаторства. Эти две знаменательные даты обрели сакральный смысл для каждого туркестанца, они и определили весь дальнейший ход истори-

*Историческая психология и социология истории 1/2018 92–102
10.30884/ipsi/2018.01.06*

ческого развития Туркестанского края в составе Российской империи. 1865 и 1867 годы считались рубежами между анархией и порядком, варварством и цивилизацией, застоем и прогрессом. Надо учесть, что Российская империя оперировала христианской эрой, игнорируя местную мусульманскую, от которой жители края не отказывались еще долгое время. Привнесение новых летосчисления и эры повлияло на историческое мышление местной администрации, которая упорно придерживалась нового летосчисления, и легитимировало присутствие России в регионе. Любое историческое сочинение, ревизии, отчеты военных губернаторов края, журнальные и газетные обзоры по Туркестанскому краю не обходили стороной эти «сакральные» даты, которые обрели метаисторический смысл и значение. Эти даты были не просто точками отсчета русского правления, а победой развития над вековым «застоем» Средней/Центральной Азии (РГИА. Ф. 1396. Оп. Д. 175. Л. 179 об.–180). Историческое время Туркестанского края приобрело сильную идеологическую окраску и смысл, который должен был стимулировать все население края для «модернизации» в русском понимании этого слова. Новые понятия, введенные имперской элитой, должны были заставить повернуть историческое время Туркестанского края в сторону прогресса. Ниже я попытаюсь на основе фактов яснее выразить свою позицию по данной проблеме на основе двух сочинений: 1) проекта всеподданнейшего отчета К. П. Кауфмана (Проект... 1885) и 2) итогов двадцатисемилетнего управления Туркестанским краем (Южаков 1891).

Отчет К. П. Кауфмана, историческое время и Туркестанский край

К. П. Кауфман сыграл значительную роль в формировании исторического времени и «сакрализации» истории Русского Туркестана. В этих «священных» действиях истории Кауфман искал точку опоры для реализации своих замыслов в историческом пространстве Средне-Азиатского региона. В проектах, будь то создание Туркестанского сборника или альбома (Горшенина 2007), Туркестанской библиотеки или музея, Кауфман старался «создать» новое историческое время для укрепления русского присутствия в Средней/Центральной Азии. Он понимал, что русская власть покоится на шатких основах и для ее укрепления понадобится огромное интеллектуальное усилие колониальной администрации.

Интересным документом посткауфмановской эпохи служит всеподданнейший отчет Кауфмана, составленный после его смерти титулярным советником П. Хомутовым (Проект... 1885). Нужно отметить, что Хомутов взял за основу для составления отчета точные даты правления Кауфмана краем, которые должны были обрести особый исторический смысл в истории Туркестанского края. По Хомутову, настоящая история Туркестанского края начинается с прихода туда К. П. Кауфмана в качестве первого генерал-губернатора (7 ноября 1867 года), а 1865 год автором проигнорирован в качестве прелюдии к настоящей истории. Принятием за точку отсчета 7 ноября 1867 года Хомутов продемонстрировал победу единой и неделимой власти в крае. Также упор на хронологию правления Кауфмана Хомутовым сильно напоминает возвеличивание личности в истории в противовес историческому времени. Ни один туркестанский генерал-губернатор не удостоился такой «исторической чести» – покорение Туркестанского исторического пространства и времени через личностное начало первого начальника края. Хомутов сознательно игнорировал политическую и экономическую деятельность М. Г. Черняева, Д. И. Романовского и Н. А. Крыжановского, создавая посмертно культ личности Кауфмана.

П. Хомутов презентует отчет К. П. Кауфмана как «первый официальный сборник административных и статистических материалов по Туркестанскому краю» (Там же: 1). Основной стержень отчета – многократное упоминание об «умиротворении края, уничтожении зол вековой, кровавой анархии пережитого им прошлого, как решительно изменился и обновился весь общественный, экономический, и нравственный быт нам подвластного населения, благодаря свободе, льготам, личной и имущественной обеспеченности и всем другим благодеяниям нового порядка, коих прежде никогда не знало население» (Там же: 2).

Хомутов ясно и четко разграничивает две эпохи – ханскую, как господство произвола и насилия, и русскую, как уверенный шаг к цивилизации и прогрессу. На такой дихотомии и строится историческая концепция Русского Туркестана, и, соответственно, колониальная интеллектуальная элита всячески старается аргументировать и защищать это положение. Но новое историческое «колониальное» видение имеет серьезные недостатки: неувязка «понятий» и колониального «дискурса» с реальностью, т. е. реальность не изменяется с переменной понятий (Козеллек 2010). Преодоление несоответствия между новыми понятиями и туркестанской реальностью

составляет основную задачу колониальной интеллектуальной элиты. Для решения этой проблемы реальность начала иначе концептуализироваться, т. е. в таком радикальном несоответствии идеологии с реальностью она стала приобретать метаисторические черты (Козеллек 2010). Как известно, в метаисторических конструкциях конкретные факты затушевываются и выпячиваются общие черты реальности, которые объясняются общими и стандартными «образами». Подобные процессы шли и в интеллектуальной сфере постфеодальной русской Средней Азии.

Русская элита всячески старалась отгородиться от феодального прошлого Средней Азии, упорно настаивая на том, что начинается (или уже началась?) новая эра во всех сферах жизни Туркестанского края. Удивительно, что в «метаисторических» построениях интеллектуалов по истории Средней Азии теряется категория конкретного времени, а его место занимает абстрактное время, которое не имеет определенных и четких границ. По мнению идеологов империи, Туркестанский край находился в «неподвижном» и «одинаковом» состоянии от сотворения мира (Туркестанские... 1870). Имперская интеллектуальная элита настаивала, что она внесла понятие времени в историю Средней Азии. Но парадокс в том, что она, противопоставляя «свое» историческое время «неопределенной» исторической эпохе Средней Азии, явно проигрывала интеллектуальный бой: чтобы легитимировать собственное историческое время, она была вынуждена конструировать местную историю. Так, признавалось, что Средняя Азия – колыбель древних цивилизаций (Туркестанские... 1875) и что она прошла определенные исторические этапы развития (Туркестанские... 1871).

Интересно, что, несмотря на признание существования цивилизации на территории Средней Азии, имперская интеллектуальная элита не спешит санкционировать данный факт, а придерживается теории «упадка» этой цивилизации, и на первый взгляд кажется, что русская элита имеет цель воссоздать и возродить былую славу региона в мировом масштабе. Несмотря на все инсинуации с историей края, местная имперская бюрократия во главе с Кауфманом отлично понимала, что русские пришли не как очередные завоеватели края, чтобы грабить и разорять, а в качестве «примирителей, покровителей и защитников» (Проект... 1885: 5). И поэтому им потребовалось разделить историю Средней Азии на два периода: 1) ханский (или «вечный застой») и 2) российский («прогресс и цивилизация»). Эти несоразмерные эпохи и составляли проблему ис-

ториографии края, а темпоральность исторических событий принимала надысторический характер.

Возникает вопрос: почему П. Хомутов не принял за основу 1865 год? По нашему мнению, во-первых, честь взятия Ташкента в 1865 году принадлежит М. Черняеву, который придерживался другой точки зрения насчет Туркестана, чем К. П. Кауфман (Бабаджанов 2012). Во-вторых, взятие Ташкента было первым шагом для упрочения России в регионе, и Хомутов, отлично зная неприязнь Кауфмана к Черняеву, сознательно умаляет заслуги последнего. Отправной точкой стало не покорение города Ташкента, а создание административной единицы – Туркестанского генерал-губернаторства – в составе Российской империи, что в глазах Хомутова было настоящим историческим событием мирового масштаба. Кроме того, создание Туркестанского генерал-губернаторства обеспечивало более прочную базу для русско-туркестанской цивилизации, чем завоевания славного «льва Ташкента». «Меч склоняется перед порядком», – лаконично можно обозначить мировоззрение Хомутова и Кауфмана.

Утвердить и развить новую «философию истории» в Туркестанском крае стоило большого труда для интеллектуальной элиты империи. Она должна была решить две задачи в этой области: доказать превосходство европейской (в российской интерпретации) цивилизации над местной и создать свою версию постфеодального исторического развития под властью Российской империи. Нужно отметить, что обе задачи не были решены. Во-первых, в Туркестанском крае верх взяло мнение администрации, а не интеллектуалов метрополии и колонии. Местная администрация извратила историческую теорию В. Григорьева о «преимуществах» (Григорьев 1867) завоевателя в Средней Азии и заявила о своей исторической исключительности, которая вела историческое знание в интеллектуальный тупик. Заявлениями об исключительности русской власти в Туркестанском крае местная администрация (основателем которой был К. П. Кауфман) отрицала понятие «прогресс» и связанное с этим понятие времени. Таким образом Русская власть в Туркестанском крае превращалась в «вечное и неизменное» понятие, атрибутами которой были «умиротворение», «развитие», «модернизация». История превращалась в самоцель администрации, которая теряла всякий практический смысл и значение. Эту ситуацию, кажется, понимали и дальнейшие исследователи края, и по-

этому, наверное, труды по истории Туркестана были довольно редки и непопулярны среди туркестанских историков.

Историческая формулировка идей Кауфмана и его команды по отношению к истории Туркестанского края исключала «настоящее» в пользу «будущего», а «прошлое» играло вспомогательную роль для «конструкции» будущего. Таким образом, в исторических спекуляциях администрации Туркестанского края осталось только «будущее», которое они «разукрашивали» разными эпитетами. Этой «презентацией» истории Туркестанского генерал-губернаторства активно пользовались и последователи К. П. Кауфмана, которые не смогли преодолеть историческую «парадигму» первого устроителя Туркестанского края.

Ю. Д. Южаков и история Туркестанского края

Ю. Д. Южаков в противовес П. Хомутову принимает за точку отсчета 1865 год, который способствовал «полному умиротворению изнывавшего в постоянных тревогах, неурядице и анархии края, благодаря водворению в нем твердой власти, закона и порядка, туземцы свободно и спокойно отделились своим мирным, полевым работам и разным сподручным работам» (Южаков 1891: 3).

Автор пытается объединить две значимые даты – 1865 и 1867 годы, тем самым увязывая экономический рост с завоеванием и установлением твердой власти в Туркестанском крае. По его мнению, нужен ретроспективный анализ истории края, который и станет ключом для понимания всей значимости русского присутствия, двинувшего Туркестан в сторону прогресса (Там же: 4–6). Основной чертой населения «ханского периода» было «состояние закоренелой вековой неподвижности» (Там же: 6). Но странно, Ю. Д. Южаков обнаруживает в Средней Азии два типа хозяйствования – оседлое и кочевое. «Неподвижное» общество Русского Туркестана имело неодинаковый социальный, национальный и политический состав. «Сарты жили и дышали по шариату, а киргизы по обычаю» (Там же: 8). «Противоборство» оседлого и кочевого населения не служит фактором развития, так как оседлый и кочевой образы жизни возникли спонтанно и естественно и обуславливаются географической средой; поэтому Южаков не видит исторического развития. В этом случае возникает интересная дихотомия: «естественное» развитие противостоит «историческому», и в конце концов историческое начало должно победить «естественное».

Жить по законам природы – признак варварства, а упорядочивание жизни по законам разума – цивилизация и прогресс для общества. Здесь повторяется старая истина: законы природы неизменны, а кто следует и живет по этим законам, находится в стагнации. «Жизнь киргиза, – пишет Южаков, – всецело зависит от благосостояния его скота: было бы его баранам и лошадям не голодно и холодно – и он счастлив и доволен; в этом все его благополучие» (Южаков 1891: 9). Автор «Итогов» отказывается в историческом развитии и оседлому населению, мотивируя это тем, что «они жили и управлялись по законам шариата» (Там же: 6). Ислам, по его мнению, регламентировал все стороны жизни населения, и это было главным препятствием для «исторического» развития. Таким образом, Южаков, следуя типичной для XIX века теории, отказал регионам, где жили по законам природы (по обычаям) и религии, в историческом развитии, так как «европейцы» жили уже на другом этапе исторического развития – в обществе, построенном на законах разума.

Ю. Д. Южаков больше симпатизирует «киргизам», чем «сартам». Кочевое население в лице киргизов, которое жило «по обычаю» и природным законам, менее нравственно «испорчено», чем оседлое («сарты») население, которое исповедует ислам и живет по законам шариата (Там же: 11). В русской администрации бытовало мнение, что кочевое население, которое меньше заражено исламом, будет восприимчивее к русским идеям прогресса и цивилизации. В этом смысле Южаков повторяет старое клише о кочевом населении Средней Азии, преувеличивая их культурные отличия. Интересно отметить, что в имперских интеллектуальных кругах скачкообразный переход от варварства к прогрессу виделся возможным и легкоосуществимым. Конечно, «киргизов» предполагалось сначала заставить перейти к оседлому образу жизни, а потом привить им блага европейской цивилизации. Трудность этого перехода в случае «сартов» объясняли «мусульманским фанатизмом». Поэтому «киргизы» более поддавались культуртрегерскому эксперименту.

Частично отказавшись от «просвещения» сартов, имперская идеология показала свою слабость и неспособность решать насущные культурные проблемы, которые вставали ежедневно перед местной колониальной администрацией. Ю. Д. Южаков же усматривал основную причину бессилия в нераздельности военной и гражданской власти в Туркестанском крае, которая и препятствует нормальному развитию края.

Автор «Итогов» понимал, что провозглашенная идеология «умиротворения и водворения спокойствия в Туркестанском крае» сводит на нет безраздельное правление военных в крае, поэтому он предлагал разделение между военной и гражданской властью (Южаков 1891: 15). В качестве примера он обращается к колониальному опыту Англии и Франции: «Они не вызвали там необходимости соединения властей военной и гражданской в одних руках – и местная власть, находившаяся в руках гражданских, сумела справиться с любыми обстоятельствами» (Там же: 16). «А что возможно для англичан и французов, – продолжает он, – то, конечно, возможно и для нас» (Там же).

Южаков понимает, что жизнь Туркестана меняется, а идеология «умиротворения края» не меняется, что приводит к застойным явлениям в жизни населения. Начал происходить процесс «изменения реальности при стабильном состоянии понятия» (Козеллек 2010: 23). В Туркестане уже к 90-м годам XIX века идеология завоевания сильно устарела, а новые концепции для экономического развития и ответ на новые вызовы не были разработаны. Ю. Д. Южаков отлично понимает эту ситуацию, что и побудило его написать обзорный исторический труд. Он отдает предпочтение гражданскому управлению, которое специально занималось бы насущными проблемами туркестанской экономики (Южаков 1891: 17). По его мнению, управление Туркестаном по законам и правилам военного времени в корне неприемлемо, требуется верховенство закона, а не чрезвычайных полномочий туркестанской военной бюрократии (Там же: 19). Таким образом, резюмирует он, «едва ли можно признать соединение военной и гражданской властей в одних руках полезным. Оно отнимало у Главного Начальника края и военных губернаторов половину времени на управление войсками и таким образом не позволяло им употреблять все свои силы и все время на благоустройство края, чем, конечно, задерживалось как экономическое, так и политическое его развитие» (Там же: 20).

Новое гражданское управление Туркестанским краем подразумевало реформирование всех сторон жизни в нем. С разделением властей гражданская администрация должна была активнее заниматься модернизацией и приобщением к европейской культуре, так как Южаков понимал: чтобы утвердить русскую власть в крае, нужно действовать решительно, а не только повторять принципы устаревшей военной идеологии, которая не отвечала новым требо-

ваниям туркестанской действительности. Эпоха завоеваний прошла, наступила эра гражданских реформ – вот основная идея Ю. Д. Южакова. Он предлагает начать модернизацию с образования, «если же оставить образование туземцев в руках мударрисов (мусульманский учитель), ишанов, аглямов (мусульманские ученые) и мулл, – то Туркестанский край навсегда останется мусульманской обособленной, замкнутой и политически неблагонадежной страной, и киргизы со временем станут такими же ярыми мусульманами, как татары и сарты» (Южаков 1891: 73).

Южаков понимает, что политика игнорирования ислама и невмешательства в жизнь местного населения ослабляет позиции Российской империи в регионе. Поэтому он и ратует за изменение кауфмановской исторической парадигмы, которая тормозила историческое развитие Туркестана по пути прогресса и цивилизации.

Основное отличие кауфмановской исторической концепции от южаковской в том, что первый не отрицал «великое» прошлое народов Средне-Азиатского региона и презентовал себя как «восстановителя утраченного величия» в новой оболочке. Второй же полностью отрицал историчность Средней Азии, настаивая на том, что краю нужны реформы, которые в корне изменили бы весь его облик, а для этого требовалось полностью отказаться от идеологических механизмов кауфмановского мировоззрения. Основная слабость южаковских реформ заключалась в необдуманности механизмов и инструментов, которыми будут осуществляться коренные изменения в жизни туркестанского населения, они учитывали только интересы победителя, а не побежденного. Например, он предлагает «заменить арабскую транскрипцию русской. Это, в сущности, не так страшно и не так трудно. Если же, однако, будет признано опасным ввести вдруг такое нововведение в мусульманских школах оседлого населения, то можно вводить это исподволь, а в киргизских школах необходимо сделать сразу и теперь же, так как там отсутствует мусульманский фанатизм» (Там же: 73).

Интересно, что Ю. Д. Южаков, провозглашая либеральные принципы невмешательства в туркестанской политике, критикует ослабление власти в Туркестане. Он требует, чтобы функции местной колониальной администрации, которые были ослаблены Положением 1886 года, теперь были усилены. Он понимает, что коренные реформы можно проводить только при сильной власти, которая имеет широкие полномочия. Таким образом, явные противоречия проектов туркестанских реформаторов делали невозмож-

ным их осуществление на практике. А реальная политическая и идеологическая жизнь Туркестана регулировалась Положением 1886 года и кауфмановской философией истории.

Заключение

Вплоть до 1917 года интеллектуальная элита Туркестанского края не разработала новое видение философии Туркестанского края, которое отличалось бы от идеологических конструкций К. П. Кауфмана и Ю. Д. Южакова. Андижанское восстание 1898 года могло бы послужить хорошим поводом для культурной модернизации края, если бы не сопротивление метрополии проектам генерала С. Д. Духовского и общественного деятеля В. П. Наливкина (Арапов 2004). Ревизия сенатора К. Палена (РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 361) предполагала сбор материала для нового положения об управлении Туркестанским краем, где бы реально произошло разделение властей и создание новых принципов управления. Но создание нового положения затянулось, оно никогда не было претворено в жизнь.

Возникает вопрос: почему не была решена одна из самых главных задач в имперской колониальной политике – создание колониальной (или «окраинной») идеологии, которая отвечала бы туркестанской действительности? Почему кауфмановская идеология в разных вариациях безраздельно господствовала в Туркестанском крае? Ответы на эти вопросы неоднозначны и сложны. Можно предположить только одно: Русский Туркестан жил обособленной от центральных частей империи жизнью, и формирование идеологии зависело от личных качеств и мировоззрения личности туркестанского генерал-губернатора. «Культ личности» генерал-губернатора определял весь интеллектуальный настрой колониальной бюрократии. В большинстве случаев преемники Кауфмана не изобретали велосипед, а развивали «историческое» видение первого начальника края, которое и применялось ко всем сложным туркестанским проблемам. Требование преемников К. П. Кауфмана было предельно ясным: увеличение власти колониальной администрации и карт-бланш на проведение культурных реформ, активным инициатором которого был генерал С. М. Духовской. Не получив от метрополии этих прав, местная администрация довольствовалась кауфмановской концепцией «истории» русского присутствия в Туркестанском крае, которая в примитивной форме обосновывала военное управление краем.

Литература

Арапов, Д. Ю. 2004. *Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.)*. М.: РАН.

Бабаджанов, Б. М. 2012. Туркестанский конквистадор: взлеты и падения генерала Черняева. *Восток Свыше* 28: 45–60.

Горшенина, С. М. 2007. Крупнейшие проекты колониальных архивов России: Утопичность тотальной Туркестаники генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана. *Ab Imperio* 3: 291–354.

Григорьев, В. В. 1867. О русских интересах в подвластных нам оседлых странах Средней Азии. Письма к редактору газеты «Москва». *Москва* 53.

Козеллек, Р. 2010. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий. *История понятий, история дискурса, история менталитета*. М.: НЛО, с. 21–34.

Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. Составлен титулярным советником П. Хомутовым. СПб., 1885.

Туркестанские ведомости. 1870. № 13. 1 ноября.

Туркестанские ведомости. 1871. № 9. 22 марта.

Туркестанские ведомости. 1875. № 20. 20 мая.

Южаков, Ю. Д. 1891. *Итоги двадцатисемилетнего управления нашего Туркестанским краем*. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза».

Архив:

РГИА – Российский государственный исторический архив.